

Оглавление

Веня Дркин

В прозе и стихах 3

Василий Бояринцев

Арбатский Вечер 5

Андрей Мадисон

Торчковая история № бис 13

Хельга Патаки

30 способов, которые потрясли клен 14

Новогодняя сказка 15

Красноштан

Города 17

Евгений Чичерин

Свинопас 24

Виктор Клыкканов

Где-то в сумасшедшем доме 26

Лео Каганов

Реквием 28

Дмитрий Григорьев

Времена года 31

Владимир Борода

Сюрприз ценою в 67 долларов. 36

Книга издана в рамках некоммерческого фестиваля искусств

ИГРА В БИСЕР

2003, г. Москва

Иллюстрации: Елена Лупандина (Ростов-на-Дону)

Корректор: Елена Грунтова (Москва)

Сетевой дом русских хиппи

<http://www.hippy.ru>

го картона, обклеенного прозрачным «скотчем» и яркими марками. Лезвием «Спутник», не новым, старое тоже пригодится всегда, вот и пригодилось, аккуратно и неторопливо были разрезаны все обклеенные места...

И вот долгожданная минута — крышка откинута, ага, неположенное вложение, в посылке письмо, узкий и длинный, весь измятый незаклеенный конверт, весь в каких-то пятнах. Николай Павлович брезгливо, двумя пальцами взял конверт и вытащил оттуда такой же измызганный, измятый лист бумаги.

«Привет, пипл, как вы там в Совке? Как тусуетесь, как герлы? Я лайфую и кайфую на бич Пацифик Оушен...» — запинаясь на незнакомых словах, прочитал Николай Павлович вслух и недоуменно хмыкнув, отложил измятый лист в сторону. Под письмом была тончайшая белоснежная прокладка из какого-то эластичного пластика, закрывающая то самое, ради чего и был затеян весь сыр-бор — акт об утере, волнения, тщательное мытье рук... Приподняв лист, Николай Павлович удивленно уставился на увиденное. На первый взгляд мешок из вылинявшей джинсовой ткани, у дочери-балбески есть такая юбка, но при более при стальном рассмотрении никакой не мешок, а просто штанина от истасканных джинсов, грубо откромсанная от остального и завязанная с двух сторон какими-то измочаленными бечевками... Вон и шов есть, когда-то оранжевым отстроченный, теперь полинявший и истершийся... Штанина была туго набита непонятно чем. Николай Павлович ткнул пальцем, тугое и твердое, чуть поддающееся...

Найдя ножницы и вынув самодельный мешок, он разрезал бечевку с одной стороны, по-медлив мгновение, так как выбирал, с какой стороны поудобней вскрыть. На темную полировку стола высыпался обыкновенный желто-серый морской песок...

Веня Дркин В прозе и стихах.

В прозе и стихах с головы до ног.
Радуга, цветы всякий хрен...
Ты, приятель, от любви оглох,
А я, приятель, очень жду тебя
К себе в плен.

Взойдешь на мой порог,
Начертишь мелом круг,
Снимешь свой синий чулок
И запряжешься в старый плуг.

Силы твои в бороде,
Сил твоих хватит на семерых.
Этим плугом ты по воде
Мне пропаешь свой белый стих.

Доведешь реку до ближайших гор,
Проведешь давно не белый день.
Ты, приятель, в этом деле скор,
А я, приятель, со вчерашнего дня пьян.

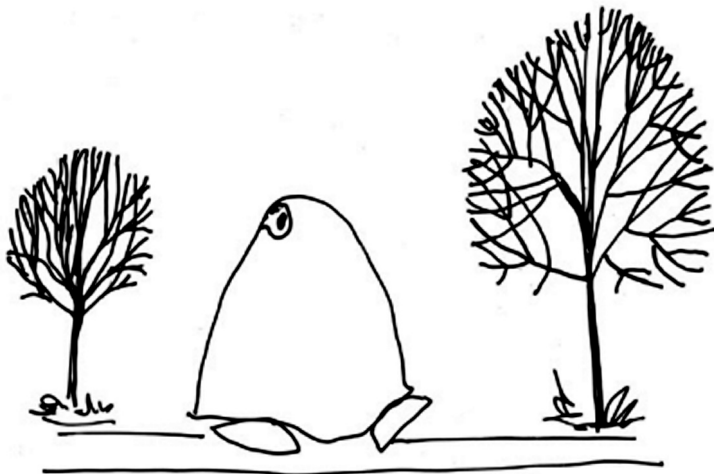
Дойдешь до этих гор,
Узнаешь, что почем,
Скушаешь незрелый мухомор
И запасешься красным кирпичом.

Домик недалеко,
Сумей в себе побороть страх.
Узнаешь, чья вода в роднике,
Узнаешь, чье золото в рудниках.

Терем-теремок — белый небоскреб,
В теремке живет негодяй.
Запомнишь, как свистит его кнут,
Запомнишь, как твоих детей рвет его дог.

И этот мир свят, и как святой слеп.
И как ты мог сказать, что это наш брат,
Когда твоя плоть суть его хлеб.

Вот тебе стакан, вот моя рука,
Три рубля — убраться домой.
Ты ко мне пришел издалека,
А я, приятель, со вчерашнего дня мертв...

улицам, улыбаясь своему собственному хорошему настроению и кивая лысоватой головой изредка встречающимся знакомым. Обшарпанная штукатурка облезлых домов сменялась зеркальностью новоявленных офисов, длинный ряд блестящих автомашин наводил на раздумья... Правую руку приятно оттягивала линия-розовая сумка из ткани «плащевка», с остатками надписи «PARIS», производство на заре чертовой перестройки кооператившиков-воров, как сейчас помню, жена прямо в лысину вцепилась — купи да купи, все сейчас такие носят, модно, мол, ну и отдали семь рублей коту под хвост, тогда на те семь рублей можно было еще бутылку «белой» купить, а она, сумка сраная, после первой стирки и приняла свой нынешний паскудный вид... Ох и закатил он своей дуре скандал, небесам и соседям было тошно. Семь рублей коту под хвост, ну и дура, эх времена, времена, а сейчас моменты, даже кошка у кота, просит алименты... Хорошо хоть он в партию не успел вступить, только полгода и походил в кандидатах, а потом такое началось!.. В голове до сих пор не укладывается...

Николай Павлович совершенно без приключений дошел до родного дома, четырехэтажной коробки послевоенной постройки, не «хрущоба» какая-нибудь, поднялся на свой третий этаж и отпер четыре импортных замка — два финских, два немецких, растет преступность, ох растет, нет на них Андропова со Сталиным... Дверь захлопнулась, перестройка с преступностью остались за нею, жена с дочерью незрелой-перезрелой, все жениха найти не может, на даче клубнику собирают, тишина, прохладно, чистый пол приятно ласкает глаз, за стеклом серванта чинно в ряд выстроились хрустальные вазы — призы за успехи в жизненном соревновании за благополучие, а что — много достиг, многих опередил... На стене болгарский ковер, сквозь полуоткрытую дверь из спальни выглядывает югославский гарнитур, все было родным и знакомым.

Тщательно вымыв руки с польским мылом, Николай Павлович приступил к священнодействию. На темную полировку обеденного стола, предварительно подстелив лист старой, еще горбачевской поры, «Советской России», была уложена коробка синего лощено-

Василий Бояринцев Арбатский Вечер

Всем безвременно ушедшим посвящается...

Погода была просто омерзительная — пока я добежал от дома до вестибюля метро «Арбатская», я успел насквозь пропитаться тем, что носило в воздухе промозглым ветром — то ли водой вперемешку со льдом, то ли колючими льдинками, разбавленными для пущей убедительности мелкими водяными брызгами.

Теперь я стоял на самом сквозняке вестибюля и считал минутки, на которые, как обычно, опаздывала моя новая подружка, которой я тогда всё равно готов был простить всё. Подружку эту звали вообще-то Галей, но на Стриту, где она появилась совсем недавно, её больше знали по забавной, часто ею употребляемой к месту и просто так, присказке — «факёнь». Но, поскольку смысл перевода этой самой присказки не имел к ней самой, в силу её малолетства, никакого практического применения, мне больше нравилось другое, совсем недавно полученное от кого-то Галиной прозвище — Олеся.

Мы познакомились с ней не так давно, но почти сразу у нас появилась добрая привычка: каждый день я встречал её ближе к вечеру на Арбатской, и мы, не торопясь, брели с ней в сторону Пушки, где, попав на тусовку, каждый уже развлекался по отдельности, кто как хотел. Мне, например, сразу же требовалось влиться в ряды старой «дринчкоманды», с которой приходилось на некоторое время исчезать, посетив «вайн шоп» в окрестных закоулках, а Олеся, которая спиртных напитков, по причине неопытного возраста, не употребляла вовсе, предпочитала проводить время сидя на подкове среди таких же разговорчивых герлиц, дымя зато, как заправский паровоз, отчего голос её приобретал особенно пикантную хрипотцу.

Изредка я потом провожал её домой, но чаще мы расставались в процессе стритовых заморочек, закрутившись каждый в своей тусне, но, даже не сговариваясь, до следующего вечера на Арбатской.

В этот раз Олеся вынырнула из эскалаторных глубин какая-

черт возьми, это что же значит, по черному курсу доллар зелененький идет...за...за... а все проклятая перестройка, хорошо что еще он в партию не успел вступить, а так бы вылетел как пробка с такого теплого места, так что же получается, получается, как. говаривал, покойничек Райкин-старший, — огромные деньги получают!... Ну, такие деньги за ерунду платить не будут, ай да коллеги с Центральной приемки, явно лопухнулись, из Америки и без оценки, явно не бывший советский гражданин, эмигрант-предатель, те все знают, как советская почта работает, что такое советская почта, под аэрофлотским девизом — быстро, надежно, дешево. Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

В дверь постучали, Николай Павлович недовольно вскинул взгляд поверх очков.

—А, Мария Ивановна, что там у вас?

—Подписать акт об утере бандероли нужно, Николай Павлович, пропела старая мымра, с любопытством вытягивая морщинистую шею в сторону синей коробки.

—Давайте сюда, я еще кое-что впишу. А что в бандероли?

—Кофточка розовенькая, Николай Павлович, вся такая воздушная, Лида себе взяла, а нам с Катей по флакончику духов. «Быть может» называется, кокетливо потупила взор старая калоша, засидевшаяся в «девках» из-за «золотого» характера до своих 52.

—Хорошо, хорошо, я дооформлю и подпишу. Девочки расписались?

—Да, Николай Павлович. А что у вас? — переступила порог дозволенного и служебной субординации распираемая любопытством Марья Ивановна.

—Все, вы свободны. Не забудьте поплотней закрыть дверь, Марья Ивановна... Тишина. Под потолком жужжит какая-то заблудившаяся муха, за окном летит летний снег, тополиный пух. Не жаркое московское солнце балует жителей и гостей столицы, города-героя своим теплом и светом. Хорошо.

Николай Павлович шел домой по знакомым кривым переулкам и

то особенно светлая, и, не успев выйти на улицу и закурить сигарету, сообщила:

— Я сегодня, факёнь, совсем на чуть-чуть. У предков дата, так что давай тусанёмся где-нибудь тут, и я побегу обратно, а то они, факёнь, меня совсем со свету сживут...

— Ладно, — почти не обломался я, — но традицию, надеюсь, нарушать не станем?

Это был ещё один наш прикол — перенос ежедневно выдавали Галине трояк на личные расходы, который мы и расходовали прямо по дороге на Пушкин: покупался батёл и пачка сигарет. Батёл выпивал я на попутной бульварной лавочке, а Олеся, дымя сигаретой, слушала мои телеги, которыми меня жизнь одарила уже, к тому времени предостаточно.

Знакомым движением её трояк переключал ко мне, но на этот раз, мы направились, чтобы не зависать попусту, в сторону Арбата, наполненного машинами, троллейбусами и спешащими куда-то людьми, к проверенному не раз «Гастроному». По причине ненастья мы, приобретя требуемое, не мудрствуя лукаво, просто нырнули в ближайший парадняк, поднялись на третий этаж и удобно расположились на широченном подоконнике старинного арбатского дома. Я открыл батёл и отхлебнул, Олеся закурила. Немного помолчав, мы стали вполголоса обсуждать последние стритовые новости, наш мирок уютно сузился до пределов подоконника, нас, сидящих на нём, батла у меня за спиной, дыма её сигареты и общих, интересных только нам телег.

Я уже выхлебал полбатла, новости все мы уже обсудили, и Олеся, уже выжидательно склонив голову на бок, терпеливо ждала, что я сделаю последний рывок и посиделки наши завершатся, когда, вдруг, на лестнице сверху раздались шаги и почти сразу появились ноги идущего вниз человека. Ноги были в начищенных сапогах, а выше показались и полы милицёрской шинели.

Молодой лейтенант не торопясь подошёл к нам, не успевшим даже встать с подоконника, снял перчатки, представился, козырнув, и сокрушённо покачал головой.

мер в фактуре с номером на посылке — ага, оценена, с описью вложения, в сторону, а это что, тяжёлая, Ташкент, урюк нам не нужен...

Николай Павлович знал наизусть экономическую географию собственной страны — лёгкие и объёмистые посылки из Прибалтики, ясно — трикотажные и шерстяные изделия, всегда добротные упакованные и, увы, всегда оценённые... Небольшие, но увесистые фанерные ящички с Севера и Дальнего Востока — консервы рыбные и мясные, копчености и икра... Богатые и наивные северяне не оценивали свои послания, и они терялись в дебрях почтового ведомства, зачастую даже не доходя и до Николая Павловича. Всем есть надо... Со Средней Азии шли сушёные фрукты и сладости, и тоже зачастую без оценки, из глубинки российского Нечерноземья грибки солёные и маринованные, варенья, компоты, шали оренбургские и шерстяные варежки... И все тоже без оценки. Всё это билось, ломалось, портилось, проливалось и терялось. И, за все почта, государство выплачивало согласно прейскуранту целых десять рублей ноль ноль копеек.

Но сегодня был особенно удачный день! Такого дня Николай Павлович не помнил уже давненько, давненько, проклятая перестройка хоть и открыла границы для почтовых отправок из кап. стран, но все посылки и бандероли шли с оценкой да ещё в свободно конвертируемой валюте, а внутри страны все государственные связи оказались прерванными и порушенными из-за парада суверенитетов, черт их побери!..

Сегодня счастье улыбнулось Николаю Павловичу голубой, лощёного картона коробкой небольшого объёма, но приличного веса — кило сто. Начальник почтового отделения с волнением оглядел коробку и улыбнулся — коллеги на Главпочтамте по каким-то непонятным причинам проглядели этот подарок судьбы. Один обратный адрес чего только стоит — Октэнсити, Калифорния, УСА, прочитал Николай Павлович латинские буквы на русский манер и оживленно потер внезапно вспотевшие пухлые ладони. Песня и только. Одних марок на 67 долларов... Это ж сколько получается,

— Я же сказал — сюрприз.

3.

Николай Павлович не гнушался рядовой работы, хотя и был начальником 247 почтового отделения г.Москвы. Нет, он не сидел за окошком №1 и не принимал денежные переводы от всегда вздыхавших женщин с грустными глазами и всегда с южными адресами — Крым, Кавказ, муж пропился, прислал телеграмму, мол «Вышли на билет зпт подробности потом тчк Вася»...Также он не выдавал под этим же номером окна и денежные переводы пенсионерам, провинциалам и студентам. Не сидел Николай Павлович и под №2 — «Прием телеграмм и заказных отправлений», не сидел и не принимал от смущенных девушек — «Беременна третий месяц зпт приезжай зпт люблю тчк твоя Таня» , а от слегка хмельных мужчин — «Выехать не могу зпт ребенок не мой зпт прощай тчк» без подписи. Николай Павлович не сидел даже под №3, табличка которого была укреплена-вывешена не над окном ввиду отсутствия оною, а на стене. Вместо окна наличествовал проем и прилавок, обитый оцинкованным металлом, и почтовые весы — «кладите аккуратно, весы ломаются, Пушкин ремонтировать, что ли, будет». Не сидел он и там, и не принимал грубо и аккуратно сколоченные фанерные ящики, обшитые и нет, с аккуратно надписанным адресом и неразборчивыми каракулями, осенью в сторону Сибири, Севера и Дальнего Востока фруктовые консервы и варенья, в другое время года во все стороны товары повышенного спроса, которыми до последнего славилась Москва. Нет, Николай Павлович горел совершенно в другом месте. На приемке. Раз в день в почтовое отделение №247 г.Москвы, так же как и во все остальные отделения столицы, приезжала машина с Главпочтамта, украшенная белой полосой, и привозила почту. Брезентовые мешки с письмами и открытками, бандероли, телеграммы и посылки.. Вот тут-то и выкладывался полностью Николай Павлович, вкладывая всю свою силу, все свое умение и талант, нянча и лелея каждый ящик, каждую коробку, пристально вглядываясь в обратный адрес и наметанным взглядом сверяя но-

— Так... Распиваем значит, - он кивнул на стоящий рядом со мной батёл, - документики ваши, пожалуйста...

Я, не став перечить, молча достал свою паспортину и протянул милиционеру. Тот, взяв её, вопросительно посмотрел на Олесю.

— А у меня его еще нет, - запросто ответила та, - мне 16 только что вот было.

— Ого! Спаивание, значит, малолетних, - лейтенант округлил глаза и повернулся ко мне, - ты знаешь хоть, что за это полагается?

— Да я и не пила вовсе, - возмущённо отозвалась Олеся, - хотите, дыхну...

И, спрыгнув, с подоконника, протяжно дыхнула лейтенанту в самые уста, отчего тот заметно покраснел, сделал шаг назад, и стал нервно подкручивать ус. Пронеслась короткая пауза, миновав которую, милиционер, вновь овладев ситуацией, опять покачал головой и продолжил констатацию факта.

— Допустим, вы действительно не пили. Но всё равно я обязан вас задержать обоих, так как вы участвовали в правонарушении. И это при том, что вы, как я вижу, вовсе не шпана какая-нибудь и лишние приводы вам обоим, а вам, девушка, в вашем возрасте, совсем, я думаю, ни к чему...

— Товарищ лейтенант, - я решил, что пора поворачивать действительность к себе лицом, - вы же видите, какая погода на улице. Я, пока её ждал, чуть не околел, поверьте, совсем. Да и она, посмотрите, тоже промокла. Ну вот и уговорил зайти сюда на секундочку обогреться. Что выпил - виноват, но тоже для сугреву. И она точно к этому отношения не имеет. Маленькая ещё, но не настолько, чтобы не соображать совсем - что можно, а что ей нельзя пока. Мы уж и уходить собрались - видите, даже и не намусорили...

— Я вас, честно говоря, - лейтенант неожиданно улыбнулся Оле-

се,- прекрасно понимаю. И вижу, что вы не врѐте — не та публика. Но и вы меня поймите правильно: винный магазин напротив. В этом подъезде регулярно всякая алкашня распивает, жильцы измучились, вечером заходить в парадное, говорят, страшно. Грязь, опять же, после этих выпивох, бутылки, объедки. Жалобами нас просто завалили, обязали проверять регулярно... А тут вы ещё... Ну, что мне с вами делать?

Милиционер уже совсем не строго разглядывал нас, держа мою ксиву на самом виду, постукивая ею по ладони. Понятно было, что дело идёт к тому, что вот-вот просто отпустит он нас восвояси. У меня даже возникла мысль о спасении недопитого батла. Тут и Олеся вновь подала свой очаровательно хрипловатый голосок:

— Честное слово, товарищ милиционер, если бы знали, что тут такие проблемы - мы бы никогда сюда не зашли! Но ведь мы не знали, и только на минуточку, обсохнуть только...

— Ладно, ладно, - лейтенант протянул мне паспорт, - всё ясно. Только чтобы больше...

В этот момент дверь квартиры на пол-этажа выше распахнулась, оттуда выскочил почтенного возраста гражданин в пижаме и прямо в домашних тапочках быстро подбежал к нам.

— Так! Я слышал всё, что здесь происходило!!! Вот Вы, - он ткнул милиционера в грудь заскорузлым пальцем, - из какого отделения, а?!

— В чём дело, гражданин, - опешил лейтенант, - чего Вы, собственно говоря, хотите?

— Я хочу, чтобы в нашем подъезде был порядок! А из-за таких, как они, - он ткнул пальцем в меня, - жить стало невозможно! А такие, как вы этому потворствуете!!! Я буду жаловаться вашему начальству! Вы из какого отделения, я спрашиваю?

— Вы прекрасно знаете, куда следует вам обратиться, - лейтенант взял нас с Олесей под руки и повёл вниз, - мы обязательно примем меры.

Жилец что-то бормотал нам вслед, однако я умудрился-таки за-

—Слушаюсь, сэр, одно пиво, - произнес было бой с упреком, очень и очень плохо скрываемым, Алекс и интеллеktуал одновременно вскинули головы на тон боя и, заметив этот жест за другим, улыбнулись. Он мой, лениво подумал Алекс, лишь бы не сорвался.

—А что ты хочешь отправить друзьям в Россию?

—Сюрприз.

—Я понимаю — сюрприз. Но я же могу знать, на что пойдут мои деньги? Бой с легким стуком поставил перед Алексом запотевшую жестянку с местной кислятиной, и отошел, всем своим видом провозглашая коммунистическое — кто не работает, тот и не пьет пиво. Алекс задумчиво повертел холодную и мокрую банку в руках и отодвинув ее в сторону, ответил:

—Я же сказал — сюрприз. Если я вам расскажу, то это уже будет не сюрприз. А так.. а так у вас будет тайна. И когда вы захотите, то вспомните об эмигранте из далекой России с внешностью из вашей молодости, не имеющем денег, но отправляющем сюрприз в далекую Россию друзьям.

—Фани,- фыркнул интеллеktуал и с интересом уставился на Алекса.

—Тебе сколько лет?

—Сорок три.

—Мы ровесники...Когда я учился в школе, то одно лето проболтался на улицах Фриско. Курил траву, балдел с уличных музыкантов, ничего не делал, мечтал об Индии...

—Я там был.

Ровесники помолчали, разглядывая друг друга — дранная выцветшая жилетка с остатками вышивки... И белоснежная рубашка, потрепанные шорты и наглаженные брюки, стоптанные сандалии и мягкие дорогие мокасины, нечесанные хайра до плеч и борода с усами, морщинистое лицо, выглядывавшее оттуда и тщательно выбритый фейс с челюстью и шеей... Улыбнувшись Алексу и своим мыслям, незнакомец подмигнул:

—О'кэй, пей пиво и пойдём на почту. А все-таки интересно, что ты там запихнул? И качнул головой на сумку, лежащую на коленях у Алекса.

с интересом изучая газетные новости. Алекс оглянулся, в его рас-
порядке было от силы две минуты, затем бой в бейсболке об-
ратит на него внимание, попытка вымогания с него заказа и вы-
дворение с позором из кафе...А вон там и полис маячит.

—Хм. Извините, я могу обратиться к вам с необычной прось-
бой? - начал Алекс охоту за вождленным, изо всех сил напрягая
память и стараясь четко выговаривать чужие слова.

—Что? - из-за газеты появилось удивленное лицо. Алекс повторил:

—Извините. Можно к вам обратиться с необычной просьбой?

—Я денег не дам!

—А я и не прошу.

Жертва с интересом уставилась на охотника.

—Может быть, сигарету?

—Спасибо. У меня есть свои.

—Тогда что за необычная просьба? Судя по произношению, вы
эмигрант.

—А что, в Америке уже нет места для эмигрантов?

Алекс заторопился, так как краем глаза увидел ленивое движение
боя в бейсболке в сторону столика, занимаемого ими

—Понимаете, я хочу отправить посылку друзьям в Россию, в
Москву...

—А, все-таки деньги, —поскучнела жертва и потянулась к отло-
женной газете.

—У тебя не хватает денег...

—У меня нет ни цента. Ни одного. И. я хочу попросить у вас де-
нег не на жратву, не на алкоголь, не на «траву», а просто запла-
тить за меня на почте. Я даже не коснусь ваших денег. Разве
моя просьба обычная?

Рядом со столиком появился бой, его тень упала на Алекса,
жертва с интересом уставилась на охотника.

—Что будете заказывать, сэр?

—Принеси ему одно пиво за мой счет,- попросила жертва боя, тот
секунду помедлил, давая тем самым, понять и Алексу, и интел-
лектуалу с челюстью, что это неправильно в корне — каждый
должен платить за себя...Или не пить пиво.

ныкать, уходя, батёл за пазуху. Когда мы вышли на улицу и ос-
тановились под козырьком подъезда, так как с неба продолжала
сыпаться всё та же гадость, лейтенант опять протянул мне пас-
порт и, покосившись на дверь, пожаловался:

— Видели? Вот такая тут ситуация...

— Понятно, - я почувствовал себя виноватым, - простите нас, мы
больше не будем.

— Надеюсь, - лейтенант вернул мне паспорт, отдал нам честь и
улыбнулся Олесе, - вы в следующий раз постараетесь отдохнуть в
другом, более подходящем месте...

Тут дверь подъезда с треском распахнулась, и всё тот же жилец
пенсионного возраста, всё в той же пижаме и тапках, просто вы-
валился оттуда прямо на нас. Он ухватил милиционера за плечо и
заорал:

— Я так и знал, что Вы их отпустите!!! Ведите меня к вашему
начальству немедленно!!!

Лейтенант дёрнулся в сторону, раздался треск, и погон его ока-
зался в руке пенсионера.

— Ах так, - воодушевлено отреагировал он, - а вот это уже —
статья. Оскорбление мундира при исполнении!

И провёл молниеносный приём, в результате которого пенсионер
оказался скрюченным с заломленной назад рукой, в которой он
всё ещё сжимал милицейский погон. Лейтенант победоносно по-
смотрел на нас, офигевших от таких дел, и произнёс:

— Так. Вы свидетели. Нападение на представителя власти и ос-
корбление мундира. Пойдёмте в отделение, это тут, рядом.

Вот так мы и направились прямо в околоток — впереди лейтенант
с задержанным преступником в пижаме, а следом мы с Олесей -
переглядываясь и фыркая со смеху. Не доходя, я сунул недопитый
батёл в приметный сугроб и продолжал путь уже и вовсе добро-
порядочным гражданином, под ручку со своей гражданкой.

В отделении нам выдали бланки объяснений и мы быстренько
расписали, не жалея красок, злодейский поступок застарелого вра-
га существующей власти, причём сам злодей сидел уже в "аквари-
уме", периодически пытаясь оттуда что-то вопить за звуконепро-

нидаемым стеклом, колотя кулаками в прозрачную стену и корча при этом такие убийственные рожи, что постоянно сбивал нас с мысли, а лейтенанту приходилось тогда подсказывать нам, особенно юридические термины, проясняющие суть преступления.

Через некоторое время мы уже стояли вместе с лейтенантом на пороге отделения и который раз прощались. Погон был уже на месте, так как факт был зафиксирован, милиционер выглядел просто героем.

— Видите, - он опять молодцевато подкрутил ус и покосился на Олеся, — что такое власть. Я бы мог просто вас забрать, да и дело с концом. Да ещё и спаивание несовершеннолетних пришить. А мы поговорили, как люди, выяснили всё без неприятностей. А этот гражданин себе прямо на ровном месте, таких приключений нажил, что запомнит их, думаю, надолго...

— Прямо в пижаме и тапках, - трогательно вздохнула Олеся, - даже жалко его.

— Сам виноват, - отрезал лейтенант, - всё, счастливо вам, и разрешите откланяться. Дела.

Повернулся на каблуках и скрылся в отделении милиции. А мы пошли, взявшись за руки, в сторону Арбатской, прихватив по дороге батёл из сугроба и от души хохоча над происшествием. Прохожие на узких арбатских тротуарах обходили нас стороной. У метро мы распрощались, Олеся помчалась по своим делам, а я направился по бульварам к Пушкине. Батёл приятно охлаждал подмышку. Вечер только начался...

* * *

Мы с Мамой-Ирой только что высадились с поезда, вернувшись с югов, и решили сразу объявиться на Пушкине, но поскольку летний вечер ещё только начинался, доехали на метро лишь до Арбатской, а оттуда решили пройтись по бульварам с аском, дабы явиться на тусовку уже затаренными и обмыть возвращение.

Пухлые клиенты подвернулись прямо почти у метро. Ирка лихо прогнала им залихватскую телегу, с безукоризненным эстонским акцентом, о двух заблудших в Столице чухонцах, которым не хва-

А как же раньше-то? В Крыму, в Прибалтике, в Средней Азии?.. Зато как клево он тусанулся — Амстердам, Париж, Израиль, Индия, теперь Калифорния... Расскажи кто ему в году так 75-76, когда винтили его на Джанге и обхайровывали с фейсованием в «конторе», что будет он аскать прайс на берегу Тихого океана...

Надо аскать. Начнем с этого лысого, в белой тричке с дебильной надписью «Эктив бойс»... Ну подойду, ну спрошу пару баксов, ну получу в ответ проповедь о вреде для общества лиц ведущих паразитический образ жизни... И останусь на бобах. Фак ю, лысый! Может, с этого студента? Внимательно выслушает яйцеголовый, склонив свою пропарфюрмененую башку набок, блестя 400 долларовыми очками и переминаясь от нетерпения кроссовками фирмы «Пума»... А выслушав, важно изречет — НОУ! Фак ю, яйцеголовый попугай! А может, приколется к толстяку, что напротив с упоением в кафе хаваает пиццу? Мол так и так, неделю не хавал, биг хангри... Ну купит он мне пиццу, толстяки народ добрый, как бегемоты, ну схавая я ее, запью халявной колой, а дальше? Фак ю пицца и толстяк, фак оф! Здесь нельзя ошибиться, нужно бить наверняка, коп не позволит в своем вонючем городке базар разводить, гнать по бездорожью, цирк ломать, тележить цивиллов... Бить нужно в девятку, или куда там бьют эти придурки в тире.

Наметанный взгляд Алекса, отшлифованный двадцатипятилетней жизнью в хипповой шкуре, выхватил из толпы кандидатов явную потенциальную жертву аска. Посетитель уличного кафе, с огромным интересом изучающий какую-то газетищу. На столике дымилась давно забытая в пепельнице сигарета, полупустая чашка явно остывшего кофе была отставлена в сторону. Интеллигентное лицо, типичный волевой подбородок, не глуп, «телега» не пролезет, надо заинтересовать...

Алекс подошел к столику и уселся на металлический стул. Сиденье было нагрето солнцем до умеренного. Интеллектуал с челюстью не отреагировал на появление соседа по столику, по-прежнему

Алекс задумался. В туманной перспективе чистой улицы, обсаженной аккуратно подстриженными пальмами и какими-то кустами с фиолетовыми цветами размером в два кулака, зыбко колебалась в мареве солнечного света фигура копа. Какой-либо криминал отпадал, да и где в этой стране можно стырить 67 долларов, у всех кредитные карты, только если банк ограбить, но для этого нужно хотя бы автомат иметь, опять напряги, вздохнул Алекс... Нет, криминал отпадает, ну кримми, ну. Попрошайничество — аск под крутую телегу? Эх годы, годы... Помню, в молодости под «телегу» о нехватке денег на телеграмму любимой бабушке на день рождения, сшибал он с доверчивого пипла цивильного за уан аур полный прайсник мани... Сенкью, сенкью, вери матч, девушка, ваша щедрость останется в моей памяти...

Последние слова Алекс произнес непроизвольно вслух, чем вызвал неподдельный интерес проходящей мимо мэм лет так девятности — язык незнакомый, и что говорит — непонятно... Мэм была в роговых шортах, голубой майке с Микки Маусом промеж висящих сисек, и конечно, в голубом парике. Изобразив неприступность на фейсе, Алекс отвернулся. Нет, он не идиот в этой сраной стране обращаться к таким мымрам. Сразу крик, мол, сексуальное приставание, коп, суд, ну мани — плис ин призон, б-р-р.. Увольте!..

А помнится, бывало, как лихо получалось в Крыму — не только прайс обламывался, но и секс-потребности удовлетворялись по первому требованию... Эх молодость, молодость, как молоды мы были, как искренне любили, когда мы были молоды, носили клеши, бороды... И сейчас есть в наличии борода, а больше и ни хера. А так хочется засюрпризить пиплов в далекой Москве, вот бы ошизела хайрастая братия...

Никто не двинулся в путь-дорогу, ни один лохматый фейс с тусовки, кого принты одловые держат, мол, помрут, и тогда свобода, кого флет не пускает, куда, мол, без него, кого менталитет перепуганный, как же, мол, без языка, прайса и всего остального?...

тает на билет на родину преткоф всего-то чирика. Возражений у клиентов эта ситуация не вызвала, скорее — некоторый даже восторг, желаемый чирик был отстёгнут, и мы тепло распрощались с пожеланием взаимных удач. Мы даже помахали благодарно им вслед рукой, но стоило нам обернуться, чтобы уйти восвояси, мы уткнулись в коренастого мента с рацией, который, оказывается, стоял у нас за спинами уже некоторое время.

— Сержант Ступов, - представился он, нахмутив брови, - значит, говорите, из Таллина приехали?

— Да, - по инерции с акцентом ответила Ирина, - такая ситуация, да.

— Документики, пожалста, - сержант протянул руку, - с какими целями прибыли?

— Понимаете, - пришлось мне продолжить игру, - мы так неожиданно приехали сюда для нас самих, что не подумали совсем даже о документах. Но мы вот уже едем назад. Нет проблем, я думаю так?

— Раз нет документов, - рассудил сержант, - значит, проблемы есть.

И бормотнул что-то в рацию. Не успели мы и рта открыть, дабы попытаться отболтаться, пока мы наедине, как из ближайшей подворотни выехал ментовской бобик с мигалкой и тормознул около нас. Из машины, потягиваясь, вышли пара ментов чином повыше.

— Что такое, Ступов, - подошли они к нам, - в чём дело?

— Вот, товарищ капитан, - отрапортовал сержант, - двое из Таллина, и оба без документов.

— Как же так, - капитан сурово нас осмотрел сверху донизу, - так далеко, и без документов?

Тут меня озарило:

— Тут явное недоразумение, - заговорил я на чистом великорусском, - товарищ сержант нас, наверное, с кем-то перепутал. Вот мой паспорт, я и живу неподалёку, и у знакомой моей тоже документы в порядке. Я её только что у метро встретил.

— Конечно, - сообразила Ирина, - вот и мой паспорт, я коренная москвичка, на Варшавке живу.

— А почему тогда он, - капитан недоуменно показал на сержанта, - вас задержал?

— Понятия не имеем, - очень честно изумились мы, - идём себе, а он подходит и говорит, что мы из какого-то Таллина. Мы там и не были ни разу.

Менты переглянулись, а сержант просто вылупил глаза и молчал. Они даже не стали смотреть наши паспорта и направились к машине. По пути капитан только приказал сержанту через плечо:

— В отделении напишешь рапорт, почему это тебе прибалты повсюду мерещатся... А вы, ребята, простите его, с ним порой случается всякое...

— Ничего, - посочувствовали мы остолбеневшему Ступову, - бывает и хуже.

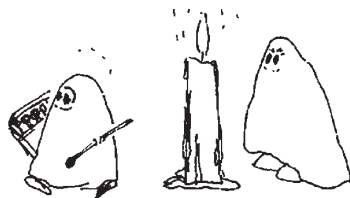
Машина, крутя мигалками, уехала, сержант так и остался стоять на месте, а мы с Ириной, взявшись за руки, направились в сторону бульваров, от души хохоча над происшествием. Торопливые прохожие оглядывались на нас, качая головами. Вечер только начинался...

...Прошло ещё сколько-то лет.

Олеся вышла замуж, приобретя красивую фамилию — Троянская, стала первой в России ритм-энд-блюзовой «звездой», потом спилась, и скончалась, уже в девяностых, от рака груди...

Ирина замуж так и не вышла, одно время была безусловным лидером абсолютно сумасшедшей девичьей тусовки, называющей себя «Раскрасавицами», но потом спилась, и скончалась, уже в девяностых, тоже, кажется, от рака груди...

Уже, наверное, вечер...

— Хеллоу. Ты что-нибудь ищешь в нашем городе, парень?

Алекс понял — полису он не понравился. Криво улыбнувшись в бороду и собрав в кучу все свои познания в английском, он поинтересовался:

— А что, демократия Америки кончается на подходе к вашему воюющему городку?

— Если здесь кто-то и воняет, так это только ты...

— Я пятнадцать раз в день купаюсь в океане!..

Алекс спутал «фифтин» с «фифти» и получилось — пятьдесят.

Коп удивленно присвистнул:

— То-то от тебя несёт рыбой и тинной. Какой-нибудь документ у тебя есть? Ну не считая справки от психиатра... Судя по произношению, ты позавчера спустился по трапу «Боинга» из какой-нибудь сраной Венгрии.

Тщательно изучив потрепанное удостоверение личности Алекса и не найдя, к чему придраться, коп вернул его со словами:

— Не рекомендую долго задерживаться в нашем городе. Мы не любим волосатых бродяг да еще без денег. У тебя ведь нет денег? — более утвердительно, чем вопросительно произнес розовый блюститель порядка. Засовывая удостоверение в задний карман шорт, Алекс заявил:

— А это не твое дело. Ты коп, а не гангстер. Привет.

И обойдя от такой дерзости застывшего как столб полиса, Алекс отправился в поисках почты. А коп еще долго сверлил удаляющуюся поблескивающую сквозь длинные волосы лысину и задумчиво жевал свою резинку.

Найти почту было не трудно. И даже узнать стоимость отправки посылки в Москву было так же легко. 67 долларов. Оставалась суцная безделица — найти требуемое.

С интересом изучив содержимое своих карманов — обломок изумрудного цвета пластиковой расчески, жалкие остатки растерзанного «Винстона», какая-то совершенно незнакомая пуговица, впервые увиденная, обрывки каких-то билетов, квитанций, сломанная зажигалка, и придя к выводу, заранее известному — прайса нет,

Владимир Борода
Сюрприз ценою в 67 долларов.
(Отрывки)

1.

«...на этом заканчиваю писать, так как всего не расскажешь в письме. Лучше давайте вы всей тусовкой прилетайте сюда, устроим, оттяжный сэйшен! Крепко обнимаю за худые плечи и целую волосатые фейсы. А в мешке для вас сюрприз. Помнящий вас все тот же Алекс.»

Алекс оторвался от письма в далекую Россию и задумчиво уставился в даль. На пустынном пляже, совершенно не оборудованном и не цивилизованном, одним словом «фрибич», не было ни одной живой души. Сверху пекло солнце, развалившись на голубом небе без единой тучки-облачка, огромные ленивые волны правильного морского цвета набегали неторопливо на пляж и рассыпались пеной и брызгами, огромные волны Тихого океана... Смешно, местные аборигены кличут океан по-хипповому — Падифик Оушен... Мирный, мол, не агрессивный...

2.

...Город был самый обычный, самый типичный такой провинциально-курортный город одноэтажной страной Америки — чистенький, беленький, аккуратненький. Аж блевать хотелось или перевернуть урну с цветным мусором. Но бдительный коп, здоровенный розовый детина в белой униформе, как свинья с мультфильма, жующий нескончаемую жвачку-резинку и полирующий дубинку, очень внимательно отнесся к подозрительному персонажу, появившемуся на вверенном ему участке. Возможно, этот крези — с длинными до плеч нечесаными волосами, с бородой и усами, ни разу не видевшими ни ножниц, ни бритвы, одетый в потрепанные шорты, стоптанные сандалии и расшитую выцветшую жилетку, просто свихнувшийся миллионер, остановившийся в каком-нибудь отеле, а может как раз и просто заблудившийся, с шестидесятих в наркомановских снах «тронутый»...

Андрей Мадисон
Торчковая история № бис

Как-то два, гуляя по лесу Человечности, взятой в Долг у Ритуала, я встретил Лао-цзы, шествовавшего верхом на Конфуции. Решив не показываться им, я спрятался за стволом ближайшего калашникова и притаился. Когда они приблизились, Лао-цзы спешился и оба они справили прямо около калашникова нужду — Ли Эр малую, а Кун Цю — большую.

— Почему вы справили малую нужду, а я большую? - почтительно спросил учитель Кун после того, как они оправили одежды.

— А потому, - ответил Лао Дань,- что справляя малую нужду, стоишь прямо, а когда справляешь большую, приходится кланяться

Сказав это, Лао согнулся в три погибели, Кун вскочил на него и они потрусили дальше.

А я так и остался торчать за стволом.

30 способов, которые потрясли клен.

1. Когда вы идете собирать кленовые листья, вы не знаете, куда вы идете.
2. Вы не знали, куда шли. И решили собирать кленовые листья. Поздравляем. Ищите трамвайные рельсы, немного пройдите по ним (опасаясь серых фуражек на пороге) и сверните на два часа влево.
3. Никогда не берите первый попавшийся кленовый лист.
4. Будьте проще.
5. И листья к вам понтянутся.
6. Размер имеет значение.
7. Цвет имеет значение.
8. Дзен имеет значение.
9. Цвет неба тоже имеет значение.
10. Когда вы наберете целую охапку листьев .
выбросите ее и начните заново.
11. Не спрашивайте почему.
12. Потому что важен процесс, а не результат.
13. Большие люди всегда собирают большие листья,
а маленькие — маленькие.
14. Когда вы собираете большие листья — вы большой.
15. Когда вы собираете маленькие листья — вы маленький.
16. Когда вы не собираете кленовые листья, вас не существует.
17. Существойте.

И серый асфальт как лед хрустел под ногами, а Пит смотрел и смеялся, и толпа рассыпалась, разбежалась перед ним подобно волне, образуя чистое пространство.

«Да и как они могут меня заментовать, если я каменный, ха-ха...»
Смех вышел глухим и утробным:

«Ха ха ха...»

«Двинули, но я даже не двигался... А банки? Ах, банки, выброси их к черту... А Люси? Вот она, рядом, серый голубь на моем плече, что ты курлыкаешь мне в ухо, и кто мне загадил голову, ха-ха, я спрашиваю, впрочем, дождь отмоет мой медный лоб, давай Барклай, давай вперед, по Невскому, смотри, сзади какие-то люди, пусть их, над страной угроза, и нас снова зовет император... Что ты гонишь, несчастный, что ты гонишь, испугался бы сначала... Люси, ты должна нам помочь, ты должна нам помочь, ты должна полететь через это синее кристаллическое небо к самому императору, через эти алмазы с радостной вестью...Какой только? Я все время забываю какой, все время, о, не надо наступать на людей, Барклай, не наступай, помнишь, голубь мой, была девочка из Тарту по имени Кая, кая — по-эстонски значит чайка, помнишь, Барклай, светлая девочка, у нее еще собака, он ее убил... Кого? Каю, собаку? Нет, Кая летит сюда через пространство, через то время, когда ты, Барклай, был Химиком, а я был никем, через эти банки с препаратом, которые не нужны, смотри, как торчит народ, торчит лишь от одного того, что мы идем, ах, как мы идем, а Люси, Люси соберет наши души, на полях, что вырастут в наших следах, смотри Барклай, какие огромные у нас следы, смотри как в них заглядывает солнце, или это светлая тень летящего голубя по имени Люси, знаешь, она сидела на скамейке уткнув клюв в перья, а потом пересела на мое плечо, и знаешь, что мне нашептала эта птица: у драконов тяжелые медные крылья, и звенят они за нами как плащи, и сверкают на солнце... И пусть нам кричат, Барклай, что мы пустые, это неплохо, пустым легче взлететь, Барклай, пустым и чудесным.»

Питовой мысли, исполняя некий причудливый замысловатый танец, как и подобает автору волшебных зелий, испытательному стенду собственных же препаратов, сверхчеловеку, познавшему и этот и другой мир, плывущему словно взрыв, точнее след от взрыва, и вдруг Пит увидел, что каменный постамент за спиной Химика пуст, а химик — вовсе не Химик а статуя Барклая...

— Эй, зачем ты нацепил на себя эту личину, — Пит рассмеялся, и вдруг почувствовал, что смотрит на мир одним глазом, а другой закрыт странной пеленой, и вот , одним глазом, а значит, и одним полушарием, он видит Химика, а другим — Барклая. Лишь Люси остается одна и таже, а все остальное накладывается, и вниз смотреть трудно, потому что кружится земля, и джинсы стесняют движение, нет не джинсы, лосины, тугие, белые...

— А откуда они?

— Как откуда, господин фельдмаршал, на левом французы снова атакуют... И пороховое облачко дыма плывет над коричневой выжженной равниной.

«Откуда все это, и почему я не могу снять повязку с прилипшим пейзажем и Барклаем, и как мне вылезти? Помоги мне, ведь химик, химик, химик ты, ты ведь химик, химик...»

— У моей жабы свободно...

— Какая жаба, панкера вонючая, от...

— Ха-ха... Двинемся.

«Попробуй двинься, нет, не двинься, а передвинься, если ноги и руки каменные, и здесь доставать машину, но это же кинжал на тысячу кубов, а ноги разворачивают асфальт, здесь нельзя, здесь нас заментуют...»

— Можно, Федя, можно, а знаешь, что нельзя?

18. Собирайте.

19. Выбрасывайте.

20. Сбирать листья лучше, чем разбрасывать камни.

21. Не думайте о Канаде.

22. Ее не существует.

23. Импровизируйте.

24. Смысловые разрывы — фигня.

25. Главное листья.

26. Но вы их выбросили.

27. Собирайте.

28. Собранные листья нужно положить на неработающий холодильник.

29. Забудьте про листья, положенные на холодильник.

30. Осень.

P.S. Сегодня мы собирали листья. Неправильно. Потому что правил еще не было. Были листья. А нас не существовало.

Новогодняя сказка.

Жил-был Человек. И ничего у него не было. И картошки у него не было. И пожарить ее было некому. Проснулся он как-то утром, посмотрел на календарь, а на дворе уже 31 декабря... Надо, значит, Новый год отмечать. А елки-то и нет. И в гости никто не придет.

Загрустил Человек и пошел гулять. Сел на троллейбус и стал по

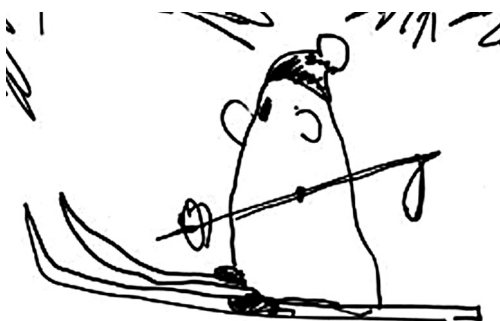
Садовому кольцу кататься. А талончик не пробил, потому что совести у него тоже не было. Вот едет он, по сторонам смотрит. Вдруг на остановке зашел щеночек с белым ушком и сел на соседнее сиденье. Смотрит на Человека, будто ищет что-то, словно в душу заглядывает.

— Нет у меня ничего! Иди отсюда! - Человек кричит, а щеночек все равно не уходит. И решил он собачку к себе забрать. Идут они, к подъезду подошли. А там объявление висит: «Кто нашел щеночка с белым ушком, позвоните по такому-то телефону, вознаграждение такое-то». Тут у Человека совесть появилась и стала грызть его. Вдруг малыш перед праздником плачет, и утешить его никто не может, или бабушка старая теперь одна в новогоднюю ночь останется? Взял и позвонил. Ну, там все, конечно, обрадовались и Человека в гости пригласили. И справили они Новый год вместе. А там девушка красивая была, дочка хозяйская. Уж очень она человеку приглянулась, и он ее в гости пригласил. Картошку жарить. Пришла она к нему со своей картошкой. А потом вообще за него замуж вышла. И родилось у них много-много детей.

И вот однажды под Новый год приходит к нему сын любопытный и спрашивает:

— А что такое ничего? Оно, наверное, страшное? — Нет, сынок, - человек отвечает,

— Ничего не бывает. У него даже название есть. Хочешь расскажу тебе поучительную историю? Жил-был Человек, и ничего у него не было. И картошки у него не было. И пожарить ее было некому...

ставили на пол, и один вроде даже сказал: «Извини, парень...» Девочка сидела, уткнув лицо в ладони, и Пит снова подумал, что она плачет. Химик опаздывал, и Пит пересел поближе к незнакомке. «И чего это Химик нарисовал здесь стрелку, стремное место.»

— Привет, сестренка, - произнес Пит.

— Привет. - Она опустила руки, и Пит окончательно убедился, что девочка просто дремала: обычное заспанное лицо, с розовым узором от ладоней на белой коже.

— Спишь? - спросил Пит.

— Сплю... - ответила она.

— Здесь стремно спать. - Пит вслух продолжил свою мысль:

—Мент на менте. Здесь вообще плохое место.

— Мне больше негде... Я тебя не знаю? - она больше спрашивала чем утверждала.

— Меня зовут Пит... Ты откуда?

— Оттуда... - Она махнула рукой в сторону неба над Невским, в сторону Московского вокзала. — Меня зовут Люси. А ты?

— Отсюда... - Пит мысленно продолжил: «Не о твоём ли кислотном имени я только что думал, милая Люси, и не тебя ли Химик уже год пытается сделать ...»

— Федула знаешь? - спросила Люси.

— Ломщика что ли?

— Ну...

Пит знал, о ком она говорит: это был старый сайгоновский человек, сохранившийся еще со времен системы, той самой, что выдумали вездесущие журналисты. Это имя было где-то глубоко и уже полустерлось, перемешавшись с другими. Где они теперь: Ломщик, Прайс, Солнышко, Красноштан, Шура Леннон...

— Ломщик дал мне пару вписок, но я обломалась звонить. — Она улыбнулась случайному каламбуру.

— Давно ты его видела? — спросил Пит.

Краем глаза он вдруг заметил, что к их скамейке приближается Химик. — У меня здесь стрелка с одним.

Химик следовал по кольцу, повторяя движение недавно спавшей

швырнувшая её в окно...Туда же полетела и банка, плод бессонных дней Химики...Дней, ибо Химик бодрствовал по ночам, а днем умудрялся учиться на химфаке, ведь он был настоящим химиком...Вслед за банкой отравились и они (Химик, Дрюпа и Пит), правда, по лестнице, а не через окно, и возвращаться, а тем более разбираться, ни у кого не было желания. «Ах, бедный мальчик Робин, ему завтра надо в институт...» - только и сказал Дрюпа растирая ногой по асфальту осколки алмазного неба, упавшие с пятого этажа.

Еще остался Костик-Художник, у того вечно пустая мастерская, кухня и комнатка с одним окном, наполовину заколоченным фанерой, но старик Костик, по его собственным словам, испытывает иди-о-синкразию как к машине так и к колесам, только план — гандж-трава-марихуана-анаша да портвешок, который теперь не так просто найти, (где он — старый добрый тридцать третий, или три семерки, или белый аист — улетел), осталась водка в банках как из под пива и само пиво, остался Костик в мастерской с окном простреленным какими-то мафиози: они однажды вломился в мастерскую — тогда там на пару с Костином работал Торчок, но его, виновника всех бед, не было, и они подступили к Костику: «Где банки?» Банки Торчок унес с собой, чтобы передать Химику, чтобы сделать сверхпрепарат, и эти обдолбанные жлобы подступили к ничего не подозревавшему Костику, и тот почувствовал сталь пера, готового войти между его ребер, представил горячее жало паяльника в заднице, и голова Художника заработала быстрее — он закатал рукава, а может и штанины: «Вот, смотрите, я не тот, кого вы ищете, вы ошиблись, господа, видите, нет дырок, веняки чистые, я не нарком, я не ваш, а Торчок еще вчера скипнул куда-то». Костик не знал, что еще вчера Торчок забрел слишком далеко, туда, откуда не возвращаются: смерть явилась в виде жемчужины, маленького блестящего пузырька воздуха, случайно проскочившего в кровь. И жлобы, посмотрев на чистые синие проспиртованные вены Костика, отступили и чуть поубавили пыл и остервенение, переворачивая мастерскую: баночки с красками не сбрасывали и разбивали, а аккуратно ссыпали с полок или

Красноштан (Михаил Козак)

Города

(отрывок)

Глава первая.

Нева большая и широкая река. Ленинград большой и неуютный город. Волга больше Невы, как Москва больше Ленинграда. Ленинград же, в свою очередь, более европейский город, чем Москва, а Волга по сравнению с Невой провинциальна в своей силе и широте, не говоря уже о длине.

Это всё равно как столичный хорошо одетый и обутый, но чахлый и прижимистый щёголь в сравнении с краснощёким, косопузым и широкоплечим подгулявшим купцом из Нижнего Новгорода. Но купцы перевелись, а невские щёголи одеты с чужого «немецкого» плеча во что попало и не всегда по моде, а скорее по неправильно понятому образу недохиппи. Вот видишь такую картину: идёт по Невскому человек в солидном замшевом пиджаке. Он в нём как в доме — из воротника, как из окошка, смотрит, хоть горшок с геранью сбоку ставь, да тюль вешай — вот такой на нём пиджак замшевый. Джинсы, не то, чтобы американские, но... Знаю я, где их шьют — на Пяти углах, в подвале, где живёт некто Франкенштейн, который чуть не спятил, когда во время прошлого наводнения из его подвала поплыли осенними листьями червонцы, который, в свою очередь, несмотря на изрядное количество денег, ходит зимой в шубе «кролик под котик», хотя и носит американские джинсы, которые ему в самую пору. Его сожительница ходит во всём «немецком», а вот туфельки-то не те, явно не те — забывает она, что человека с ног до головы, а не наоборот. А на голове у всех явная несуразица: идёт человек в строгом пальто, сшитом у Зильберштейна, а на голове у него белый чулок в красную полоску. Бьёт его этот чулок килограммовой кисточкой прямо по заду, вроде как подталкивает вперёд, и, глядя на то, как резво скачет по Моховой носитель чулка, следует, я думаю, в приказном порядке обязать каждого питерца завести такой же, а то ползут они, как сонные оводы по кобыле.

Дмитрий Григорьев
Времена года
(отрывок)

Зима всегда вносит неразбериху в этот город. Идёт навстречу кавказец, весь как есть в замше, по уши в джинсах и огнедышащий — пар от него так и валит клубами, и тащит этот кавказец питерскую леди за цыплячью грудь и на глазах у всех питерцев ругает их город и этих самых «ледей» последними словами — ему, мусульманину, шашлык из свинины подали, а эта самая леди два таких шашлыка уела и бежать собралась. Аллаверды! Гырабят! Пыроклятый! Пронёсся. Пар развеялся.

Вылетает бородатый, зачумлённый, явно наркоман. Наркомания — бич этого города. Школьники и студенты, рабочие и служащие, интеллигенция и жлобы с Лиговки — потребляют эти самые наркотики в количествах, изумивших бы Интерпол и Международную Медицинскую Ассоциацию. Милиция ночи не спит, работники её давно психопатами стали от этих бдений, а на тебе — чем дальше в лес, тем больше дров.

Сколько людей, заглядевшись в эту самую Неву, попадали с мостов. Сколько экзальтированных девочек и мальчиков ощутили невосомость, прежде чем брякнуть головой в скучный колодец питерского двора, этажа эдак с 7-го. Сколько счётов сведено в сырых подвалах и гулких подъездах — после этих счётов остаются кровавые подтёки на стенах и тщательно обходимые жильцами широкие липкие красные лужи. Матёрого питерца не удивит лежащий ничком под его порогом человек в характерной позе: одна нога поджата под живот, другая далеко отброшена назад, одна рука под грудью, другая навсегда схватила скрюченными пальцами воздух. Это значит, что лежащий не достал в нужный момент нужную ему дозу и околел, не дойдя до продавца. Не очень часто, но случается и такое: вгонит себе человек дозу кокаина — хорошо ему, а ведь чтобы кровь не застыла после этого кусками в жилах, нужно дозы три морфия, а у него нет морфия — и готово дело: трамвай на конечной остановке, а он всё едет и едет в никуда, уставившись раз и навсегда остекленевшими глазами. Если его уронят, то разогнуть его никакой возможности нет. Так и будет он сидеть на цинковом столе среди лежащих неподвижно соседей. Бородач обдал меня слад-

Пит: осень.

Пит не думал. Его мысль, медленная, тяжелая, свернулась кольцом в скверике возле Казани и спала. Спала, подобно девочке на соседней скамейке, уткнувшей лицо в раскрытый лотос рук, змеиная чешуя бисерных фенечек небесно-голубого и белого цвета, куда словно тени вплетались две темно-коричневые полоски, обвивала ее запястье: белое — вода, голубое — небо, темное — земля. «Нет лишь огня.» — Его мысль постепенно проснулась, распалась на множество каких-то мыслишек, одна из которых намертво прилипла к этой девочке. Наконец, он нашел и красное — то ли красный платок, то ли высокий ворот футболки, выглядывающий из под грязно-голубой джинсовой куртки... Ему вдруг показалось, что девушка плачет. «Нет, скорее дремлет, - возразил Пит внутреннему двойнику, - в ожидании кого-нибудь». Сам он ждал Химика с «препаратом»: они собирались провести некоторое время втроем (Пит, Химик и «препарат»), только не было подходящего флэта, где можно было бы зависнуть на пару дней: у Химика — общага, у Дрюпы — предки... Даже Химик не ведал, каков будет приход и каковы ломки, и не съедет ли навсегда крыша, и не придет ли та, старая, с косой... «Нет, к Химику придет не старуха, а милая девочка Люси из алмазных небес, может, чем-то похожая на эту, а ко мне...» Его внимание на мгновение переместилось в сторону соседки: «Плачет или спит? Собственно, какое мое дело?»

«Можно вписаться к Робину, - он продолжил размышления, - только если у него нет этой страшной цивильной герлы, тьфу...» «Пит сплюнул: одно воспоминание о ней вызывало сушняк. Перед ним снова мелькнула ее здоровая белая рука, полная какой-то злобной энергии, белая акула, подхватившая со стола блестящую стеклянную рыбку с острым железным жалом на пять кубиков, и

байна на австрийском кукурузном поле. Мы искренне верили что так будет всегда. Женщине, с которой я сейчас живу, нельзя рассказывать об этом — она лишь удивленно поднимет брови: а как вы жили без удобств? Она в общем неплохая женщина, она довольна жизнью с перспективным журналистом, хотя и не интересуется моей работой. Она читает журналы мод, мечтает водить собственную иномарку и летать зимой с каким-нибудь мужчиной на Канары — например со мной.

Она умерла. До последнего мига она так и не узнала что умирает. Я не знаю, когда это произошло, не знаю даже, где похоронено ее тело. Я знаю одно — мать вашу еб, та женщина, с которой я живу, никогда не сможет мне ее заменить, пусть даже она похожа чертами лица, пусть у нее такое же имя, фамилия и номер паспорта...

ким дымом, и, не глядя по сторонам ринулся сквозь поток машин на другую сторону улицы, где ему махала ручкой милая девочка лет 17-ти. Бог с ними. Дела у них такие.

А у меня дела другие. Я хочу выпить вина и иду в первую попавшуюся мороженницу. Там мне наливают стаканчик сухого вина, я его пью, потом другой — пью, потом третий — пью, потом четвертый — пью, пятый — пью, шестой — пью, седьмой — пью, восьмой — пью, девятый — пью, десятый — пью. Не берёшь! Русскому водка нужна, а не это афроевропейское пойло.

Почти все улицы ведут к Неве или к каналам. Ну что это за река такая Нева? Короткая, якобы полноводная, да безнравственная. Какой уважающий себя индус побежит топиться в Брахмапутру? Или египтянин, стоящий над древним Нилом и размышляющий, куда глубже нырнуть, чтобы не вынырнуть? Чушь. Не те они люди, и климат у них иной — египтянин боится крокодилов, а индусу ближе огонь, чем вода, да и то это не самоубийство, а обряд. Чем древнее река, тем меньше её оскверняют вздутыми телами. Волга река не очень древняя, а славяне народ молодой, горячий: чуть что — в воду и навсегда. Пока он от Рыбинска до Астрахани доплывёт, то ещё присоединятся к нему с полсотни таких же как он — вот и холера в Астрахани. Не побоюсь сказать, что и чума. Нева же река короткая. Прыг с Кировского — не успеешь как следует утонуть, а уже, можно сказать, за границей, в нейтральных водах, а там и до Швеции два дня плыть.

Питерцы гордятся своей близостью к Западу. Близко, действительно близко. Вот и плывут без паспортов и желаний, и прочих беспокойств. Но у меня дела другие. Я водки хочу, а они, рыба кровь, не пьют на троих. Всё больше в одиночку и, в основном, ответственные товарищи — директора, редактора и прочие уважаемые мною граждане. Как правило, это люди из провинции (свои люди), крепкие и духом, и телом, и свинцовыми локтями. С подчинёнными нельзя, на троих не с кем — вот и пьют они дома и даже до чертоказания. Их потом лечат от этого, но провинция, она сокрушительна в достижении своих желаний, дескать «захочу — один в

трёх такси поеду». И по новой...

Одного такого отправили на отдых в родную деревню. Он погу-дел как положено и с кем положено, а в Питер из солнечной ро-димой стороны возвращаться не хотел. Вот и втемяшилось ему это в башку так, что он одежду оставил на берегу родного Днест-ра, а сам залез в подвал (благо просторный) и строго-настрого заказал матери и отцу ничего не сказывать, а они его боялись пу-ще Вия, и потому все подумали, что он утоп и телеграмму куда надо отправили. Три месяца сидел он в подвале, три бочки соро-ковёдерные выпил, даже опохмелиться нечем. Вылез он из подва-ла и — в магазин. Народ в деревне суеверный: оборотень, дес-кать, упырь; они его колами стали охаживать, но тут он кааак но-гою топнет, каааак гаркнет — они, конечно, колы побросали, по хатам разбежались. Выпил он сколько ему надо, оглянулся: пусто вокруг и страшно, как в Питере зимой. Заплакал он и побрёл к своему дому (дому бывшего кулака, отданному ему как выходцу из беднейшей крестьянской семьи). Глядь, на скамейке бабка Гар-пина сидит и не боится его, потому что слепая она. Он к ней: «А ты меня, Гарпина, не боишься?» — «А, это ты Ванюша, а я тебя по голосу узнала, ты с детства басом ревел». Тут он заплакал, обнял её, прижался буйной головой в впалой груди и хотел ска-зать что-то тёплое и доброе, как в детстве, когда она угощала его, вечноголодного и драного, чудными грушами. Но не успел он и рта раскрыть, как на его плечо опустилась цинковая рука участ-кового...

Его, конечно, вернули, дело замяли — с кем не бывает. Но по ночам из окон его квартиры на весь Питер слышен жалобно-тре-бовательный вой. Вместе с ним воют дети, жена, внуки. К утру ему становится легче, и он, охрипший, едет на работу.

Ну что я о других да о других. Надо бы и о себе хоть немного сказать. Я небольшого роста, глаза у меня маленькие и серые, по большей части я скорее весел, чем угрюм, временами люблю хоро-шо поесть, хотя толком не знаю, как это делается, иногда болею хандрой и тогда запираюсь на несколько дней дома. Выйдя на улицу, я не знаю, куда и к кому мне идти, но как правило попадаю куда нужно и к кому нужно, будь то попавший под машину

дая неповторимая любовь. Мы гуляли по улицам, переплетая пальцы рук. Мы целовались на эскалаторах, которые казались возмутительно быстрыми и короткими. Мы переписывались по ин-тернету, потому что нам не хватало встреч. Мы писали друг другу стихи — это были самые лучшие стихи в мире. Мы искали на ветке сирени цветки с пятью лепестками и съедали их, загадывая желания. И желания всегда сбывались.

Она умерла. Мы не представляли себя друг без друга, и расста-вание на неделю казалось невозможным. У нее было слабое серд-це, и она бы, наверно, умерла от горя, если бы некий оракул ей предсказал, что пройдет всего несколько лет, и я буду жить с другой женщиной. А разве сам бы я в это поверил? Но разве у меня был выход? Я знаю, что она меня простила. Ведь и я бы не желал чтобы она оставалась всю жизнь одна после моей смерти. Но сам я не могу себе этого простить.

Она умерла. Удивительно, но мы никогда не ссорились. Как мы могли ссориться, если у нас полностью совпадали и вкусы и при-вычки? Мы понимали друг друга с полуслова и веселили знако-мых, если, не сговариваясь, хором отвечали на вопросы. У нас были свои тайны и ритуалы, свой язык. Конечно мы называли друг друга уменьшительными названиями зверюшек. Мы были очень породистыми зверюшками, не какими-нибудь рыбками, ко-тиками, зайчиками или совсем безыдейными малышами.

Она умерла. У нее были удивительно пышные волосы почти мет-ровой длины — к ней подходили на улицах парикмахерши, угова-ривали срезать и продать. Когда волосы запутывались, я часами их распутывал, боясь порвать хоть один волосок — это занятие нам очень нравилось. У нее были стильные клеши и хипповские фенечки на руках. Мы объехали автостопом всю Европу. Мы пи-ли абсент в Праге и курили марихуану в Амстердаме. Мы ноче-вали в нашей маленькой палатке, залезая в один спальник на обо-чинах немецких автобанов и французских железных дорог. Мы слышали крики сов в польской дубраве и боялись утреннего ком-

Лео Каганов Реквием

Она умерла. Я не знаю как сейчас об этом писать, я не могу об этом писать. Я пытаюсь делить Вселенную на ноль. Я пытаюсь делить на ноль себя, Москву и эту осень — разум выдает ошибку, как последний калькулятор. Она умерла. Это невозможно понять. На ноль делить нельзя — я помню это из школьных уроков, но не помню, почему. Кажется, результатом будет бесконечность. Бесконечность не помещается в голове, с раннего детства я пытался представить бесконечное пространство космоса, но не мог. С годами я привык, что это так. Просто поверил, что космос бесконечен потому что больше не во что было верить. Человек всегда может привыкнуть к тому, что не может представить.

Она умерла. Круглосуточная морзянка. У - мер - ла. У!мер!ла!
У - мер - ла. Три точки, три тире, три точки — бьются сигналом бедствия, чуть затихая во время сна, работы и общения.

Она умерла. Мы познакомились с ней случайно, хотя вскоре выяснили, что не могло быть иначе — мы давно ходили по одним и тем же улицам, и друзья наших друзей были знакомы. Я предложил послушать плеер и протянул ей один наушник. Мы слушали музыку, и я смотрел в ее глаза — я знал, что так рождается любовь. Она смотрела в мои глаза — она тоже это знала, как выяснилось позже. Я влюбился с первого взгляда, я знал, что такой девушки не могло появиться на Земле, это невероятная ошибка. Она ответила не сразу — женские чувства более инертны, мне пришлось доказывать, что я именно тот, кого она ждет — не такой, как все, талантливый, веселый. Зато потом мы уже не расставались до самого конца. По всем законам логики и эстетики я должен был погибнуть вместе с ней, но почему-то я остался жить.

Она умерла. Наша любовь была такой же безграничной и неповторимой, такой же неслыханной и неземной, какой бывает каж-

пенсионер или Музей Восточных Культур. Временами окружающее меня, как и всякого человека, пугает до потери сил, и тогда мне хочется выйти из этой темной комнаты, хотя дверь открыта всегда, и я иногда подхожу к ней вплотную, заглядываю одним глазом за порог: мироздания грозные, чёрные, беззвездные, затеряться в которых и блуждать не одну сотню лет, чтобы опять вернуться в темную комнату, но уже другим человеком — может быть даже женщиной. Это выше моих сил, и я возвращаюсь в эту темную комнату, и она мне кажется не такой уж и темной. Можно жить с удесятерённой силой.

Так вот. У меня дела другие. На углу нерешительно топтались двое явных мужиков, они жалобно оглядывались по сторонам и были похожи на пару заблудившихся зубров из Брянских лесов. Так и есть. Подхожу, спрашиваю. Точно. Из Брянска. Выпили водки. Молчаливы и подозрительны, от второй отказались и побрели к полулюдной улице, очевидно сами не зная куда. То же самое сделал и я. Пошёл, куда глаза глядят.

Пьяному глазу Питер приятен, он ласкает его, радуется, людей не замечаешь и, выйдя, предположим, на стрелку Васильевского, охваченный восторгом, смотришь на мосты, на крепость и говоришь себе: «Да! Да! Великий город, великий!» И будешь это говорить до тех пор, пока не увидишь свесившуюся с моста голову соседа. Сосед поднимет голову, повернётся к тебе, и ты отшатнёшься от него, увидев белые выпуклые глаза без зрачков, гипсовые выпуклости на том месте, где должны быть глаза. На лице статуи они естественны, но сосед с такими глазами чуточку неприятен и, отойдя шагов на десять, невольно переведёшь взгляд с шпиля крепости на мощно и быстро катящуюся под тобой Неву и покажется, что летит она прочь, а ты несёшься к ней и, в ужасе оттолкнувшись от парашюта, побредёшь на Петроградскую сторону, заметив мимоходом, как зловец закат над фабричными трубами, стоящими молча и как бы спрашивающими: «А ты ещё жив?» Ну, что я всё о смешном да о смешном.

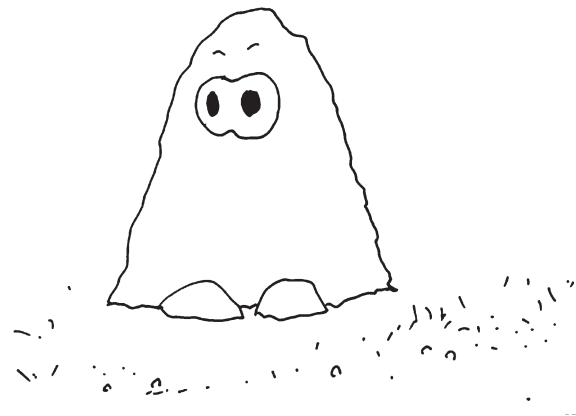
Ночью, когда некуда идти спать, в этом городе могут случиться разные истории. Но спать надо, и я пошёл искать ночлег.

Друзей у меня в Питере, можно сказать, нету, да и характером я нелюдимый, и много просить о такой вещи, как ночлег, для меня просто дико. Вокзал — не то место, где можно спать и видеть сны, до которых я большой охотник. То ли дело подвал. В Питере почти все выселены из подвалов, и пустуют они — какие запертые, а какие и открытые. Что в закрытых, что в открытых подвалах одинаково вольготно крысам и котам. Коты проникают в вечно расколоченные оконца, а крыса везде себе дорогу същёт. Тараканов, которых я, откровенно говоря, боюсь гораздо больше, чем крыс, там нет. Холодно им там, да и что говорить — пустячная живность таракан. То ли дело кот. С котами у меня давняя и обоюдная дружба. И не с какими-нибудь домашними кисками, мурками, а с беспризорными Васьками. Всякий раз, оказавшись в тёмном подвале, я окружён ими, как падишах верной стражей. Едва я расстилаю на полу своё пальто, как они рассаживаются вокруг меня, и в темноте сверкают их глаза, как путеводные звёзды Одиссею. Подвал — это моя стихия, я захожу в него, как американец в отель, и тут же выясняю: есть ли место для спанья, для отправления, увы, естественных надобностей, есть ли охрана и не дует ли в номере. Если все условия соблюдены, то я поселяюсь в нём дня на три, а то и больше. Заперев чем-нибудь потуже дверь, я начинаю с ними беседу на понятном, увы, немногим из людей кошачьем языке. Кошачий язык богат оттенками, оборотами, интонациями, паузами. Обывателю или человеку нервному он кажется неблагозвучным и даже чуть отвратительным. Тот, кто так считает, никогда не поймёт, что его собственная речь близка к омерзительному бляению барана. Баран, если его приобщить к городскому стрессу, будет бляеть не хуже, чем какой-нибудь Яков Алексеевич в конце дня у себя дома, или на улице, или вообще где бы то ни было. А если их два? А если их два, и если, задрав подбородки, они, что называется, разговаривают? А если их несколько миллионов? Нет, коты куда милее, и поэтому я выбираю подвал.

тил колени руками, и солдат гвардии Его императорского величества чистит свой кивер, а Старик бережно протирает невидимую флейту...

Пожилая санитарка с потрепанной метлой сгребает на помятый совок хрустальные осколки и недовольно бормочет: «Вечно насорят, а я убирай за вами... Дрянь всякую»...

Виктор Клыкканов
Где-то в сумасшедшем доме

Где-то в сумасшедшем доме Старик играет на невидимой флейте. Из-под его нервных пальцев выпархивают маленькие птицы, взлетают под серый потолок с разводами влаги, наполняя застывший навечно воздух чистым, прозрачным звоном.

Вокруг собираются обитатели палаты, изумленными глазами следя за нездешним полетом, и тихими голосами повторяют каждую ноту. Подпевают все: и солдат гвардии Его императорского величества, и продавец улыбок, и Маленький Принц, и бледный юноша, которого обокрали — похитили правое легкое, когда он спал; даже гордый Александр Македонский, который из гордости никогда не разговаривает, едва слышно ведет нежную мелодию. И лишь маленький мальчик, которому никто не верит, что он — крохотная рыбка в огромном аквариуме, молчит и просто беззвучно плачет, впервые в жизни сожалея о том, что рыбы так молчаливы. А птицы кружат, задевая друг друга и рождая при этом новые звуки, невыносимо, до боли прекрасные...

А потом открывается дверь, и из черной дыры коридора входят люди в белом, со взглядами, полными неодобрения. Под этими взглядами птицы застывают в полете, и одна за одной начинают падать вниз.

И Самый Главный человек в белом движением руки приказывает разойтись, и все понуро бредут к своим койкам, и лишь маленький мальчик, которому никто не верит, что он крохотная рыбка, бросается к Самому Главному, падает перед ним на колени и жёсткими просит не отбирать у них Музыку, потому что они, возможно, и лишены ума, но не лишены сердца. Две пары рук оттаскивают его, и на их пальцах блестит серебряная чешуя, и кто-то еще уже готовит шприц...

А потом все сидят на своих койках, и Маленький Принц обхва-

Вот они расселись вокруг меня, глаза их отвечивают то голубым, то зелёным, то жёлтым. Они переглядываются, я это вижу по передвижению их изумрудов. Потом один из них, очевидно основной, что называется, коренник, хриплым басом спрашивает остальных:

— Мауу? - спрашивает негромко, дескать, кто это такой?

Остальные вразнобой отвечают ему: «Вау». Не знаем, дескать.

Он обращается ко мне, это чувствуешь по требовательному «Мвоу?!» Я отвечаю: «Муоу», - дескать, свой.

Они немногословны. Ответ, произнесённый на их, именно их, Васек подвальных, жаргоне, удовлетворяет их. Засыпая, я знаю, что они не подпустят ко мне ни крыс, ни собак. Это проверено. Утром, когда я нехотя поднимаюсь и отряхиваю пальто, я вижу следы битвы: в углу лежит толстая, как пивная кружка, крыса, с напрочь отгрызенной головой. Наверное, это работа основного. Рядом со мной клочок кошачьей шерсти. Он в крови. Вот что такое друзья. А вы пинаете их ногами и швыряете в них бутылками. Гады вы после этого.

Не один я знаю язык подвальных Василиев Василиевичей. В Питере много людей, которые по тем или иным причинам живут (хотя и никто их к этому не принуждает) по таким вот подвалам. Именно поэтому, да ещё в силу своей нелюдимости, я крепко баррикадирую свой номер. Совершенно нежелательно проснуться от удара ногой под рёбра какого-нибудь уголовника, или отвергать домогательства явной сифилитички, или слушать и успокаивать очередного, внезапно, прямо на улице, сошедшего с ума молодого питерца. Я ценю обособленность и свободу от людей. Поэтому, если кто-нибудь стучит в мой номер (если это не милиция, конечно), то я отвечаю, что номер занят, и не одним мной. Коты в это время молчат, они спокойно ждут: если дверь откроется, то они пулей кинутся в образовавшуюся щель всей кучей, всей массой. Когда они вот так, с воем и шипением вылетают, это не значит, что это бегство, что они покидают в трудную минуту. Представьте, что в ваши ноги летит воющий комок, что прямо около вашего лица, задев щеку мускулистым, трещащим и сыплющим искрой боком пролетает нечто, что другое плечо чуть не оседлали чьи-то

лапы и горящие глаза — вы, как человек благоразумный, в мой номер не зайдёте. Вы поверите в нечистую силу, как в неё верю я. Ещё раз хвала тем, кого вы вешаете на перилах, кому дробите молотками лапы и чьих детей безжалостно топите в ваших каналах и вашей Неве.

Евгений Чичерин

Свинопас

Я свинопас, пасу свиней.
Шумят дубы, и нет людей.
Горит костер, и я сижу
Под исполинским дубом.

Не помню, чтоб была родня.
Мой пес понятливей меня,
Его хозяин — свинопас
Под исполинским дубом.

Мой господин меня берег,
Вчера он бросил мне пирог,
Сказал: «Бездельник, подкрепишь
И выпей кружку эля».

Я вечером загнал свиней,
Мой тощий пес меня умней,
А кружку эля поднесла
Моя подруга Мэри.

Когда-то бедный свинопас
Меня от верной смерти спас,
И обогрел, и накормил
Под исполинским дубом.

Он был мне названным отцом,

Но слишком поспешил с концом
И очень скоро дуба дал
Под исполинским дубом.

Пасти свиней — нелегкий труд.
Меня к хозяину зовут,
И потому сижу я тут,
Под исполинским дубом.

Мой тощий пес меня умней,
И я люблю его сильней,
Чем всех откормленных свиней
Под исполинским дубом.

Да-да, я бедный свинопас,
Но знаю я, настанет час,
Когда я загоню свиней

И выпью кружку эля.
В моей лачуге есть очаг,
И по ночам горит свеча,
И без меня не ляжет спать
Моя подруга Мэри.

